Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 4 | ISSN: 2658-7734
Mass Culture | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i4.692

The Image of the Reptilian in the Russian Media Tradition

Artur M. Vafin*

Financial University under the Government of the Russian Federation;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
Moscow, Russia. Email: amvafin[at]fa.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-9368-9967

* — corresponding author

Received: 19 September 2025 | Revised: 13 November 2025 | Accepted: 20 November 2025

Abstract

The article explores the evolution of the image of anthropomorphic reptiles across global and Russian media traditions, from archaic myths and folk tales to modern conspiracy theories and representations of reptilians in Russian popular culture, primarily in animated works. The study is relevant because the myth of reptilians has received insufficient scholarly attention in Russian academic discourse, despite its widespread presence in the media environment. The research is based on Régis Debray's theory of mediology, which interprets media as material and symbolic mediators that ensure the longevity of cultural forms. Within this paradigm, fairy tales and animated series are analyzed as equivalent media that transmit systems of collective representations and values. The article concludes that the ancient mythological image has been repurposed by modern media to address contemporary ideological objectives. The aim of the study is to trace the evolution of the archaic mythological image of anthropomorphic reptiles and to identify the mechanisms underlying its transformation in the Russian media landscape, from folk tales to modern conspiracy narratives in youth animation. The article is intended for media studies scholars, specialists in mythology and cultural studies, philosophers, historians, political scientists, sociologists, psychologists, social architects, and media content producers.

Keywords

Reptilians; Mediology; Regis Debray; Conspirology; Russian Folk Tales; The Frog Princess; the Mistress of the Copper Mountain; Zmey Gorynych; Russian Animation; Patriotic Education; Ideology

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License
© 2026 Artur M. Vafin

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. № 4 | ISSN: 2658-7734
Исследования массовой культуры | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i4.692

Образ рептилоида в отечественной медиатрадиции

Вафин Артур Мансурович*

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, Россия. Email: amvafin[at]fa.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-9368-9967

* — корреспондирующий автор

Рукопись получена: 19 сентября 2025 | Пересмотрена: 13 ноября 2025 | Принята: 20 ноября 2025

Аннотация

В статье исследуется эволюция образа антропоморфных рептилий в зарубежной и российской медиатрадициях: от архаических мифов и народных сказок до современных конспирологических теорий и репрезентаций этого образа в российской массовой культуре, прежде всего в анимации. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью мифа о рептилоидах в отечественном академическом дискурсе, несмотря на широкое распространение этого мифа в медиасреде. Исследование опирается на медиологическую теорию Режи Дебре, в рамках которой медиа трактуются как материальные и символические посредники, обеспечивающие долговечность культурных форм. В рамках данной парадигмы сказка и мультсериал анализируются как равнозначные медиа, транслирующие комплексы коллективных представлений и ценностей. Основной вывод статьи состоит в том, что древний мифологический образ перерабатывается современными медиа для решения актуальных идеологических задач. Цель исследования — проследить эволюцию и выявить механизмы трансформации архаического мифологического образа антропоморфных рептилий в российском медиапространстве: от народных сказок до современных конспирологических сюжетов в анимации. Статья адресована специалистам по медиаисследованиям и мифологии, культурологам, философам, историкам, политологам, социологам, психологам, социальным архитекторам и производителям медиаконтента.

Ключевые слова

рептилоиды; медиология; Режи Дебре; конспирология; русские народные сказки; Царевна-лягушка; Хозяйка Медной горы; Змей Горыныч; российская анимация; патриотическое воспитание; идеология

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0
© 2026 Вафин Артур Мансурович

Введение

Русские народные сказки издавна населены волшебными существами, среди которых особое место занимают персонажи в облике лягушек и ящериц[1]. Один из наиболее известных примеров — сказка о Царевне-лягушке, в которой герой женится на существе в облике лягушки, оказавшемся заколдованной всеведущей девой. Другой характерный образ — Хозяйка Медной горы из уральских сказов Павла Бажова, предстающая то ящерицей с короной, то прекрасной хранительницей горных богатств. Образы Царевны-лягушки и Хозяйки Медной горы имеют положительную коннотацию, в отличие от образа Змея Горыныча — дракона-разрушителя и поработителя. *Современное* изображение рептилий в российских медиа преимущественно получает негативную трактовку, продолжающую линию, заданную образом Змея Горыныча.

В статье мы рассмотрим функционирование образа рептилии в зарубежной и отечественной традициях, проанализируем конспирологическую теорию о рептилоидах и ее роль в современных российских медиа, прежде всего в подростковой анимации.

Несмотря на то что миф о рептилоидах широко распространен, степень его изученности остается низкой. Один из наиболее обстоятельных анализов конспирологического мифа о рептилоидах представлен исследователем терроризма и ультраправых движений М. Баркуном в главе о Д. Айке из книги «Культура заговора: апокалиптические видения в современной Америке», первое издание которой вышло в 2003 г. (Barkun, 2013). Заслуживает внимания анализ, проведенный Т. Льюисом и Р. Каном. Как и Баркун, авторы рассматривают рептилоидов в контексте идей Айка как утопические и антиутопические образы (Lewis & Kahn, 2005).

Среди отечественных исследований следует отметить работу И. В. Колосовой, в которой миф о рептилоидах отнесен к новым религиозным течениям (2016), а также работу Д. В. Петросянца, в которой тема рептилоидов рассматривается как информационное зашумление, отвлекающее от социально-политической повестки (2024). А. М. Прилуцкий рассматривает прагматику конспирологических мифологем. По мнению исследователя, конспирологический миф — это «сложный семиотический феномен, обладающий возможностью формировать референции к различным социальным процессам/явлениям и соотносимой с ними символической реальностью» (2024, с. 124). Прилуцкий косвенно затрагивает и конспирологическую теорию о рептило-

1 Следует уточнить, что с точки зрения современной биологической классификации лягушки относятся к земноводным (амфибиям), а не к пресмыкающимся (рептилиям). Однако для архаического мифологического сознания это таксономическое различие не имело определяющего значения: представления о животных формировались вне современной научной систематики, на основе наблюдаемых свойств и символических связей. В рассматриваемых мифологических и фольклорных сюжетах лягушки, змеи и ящерицы сближаются благодаря их связи с водной и подземной стихиями, потусторонним миром.

идах (2024, с. 126, 130). Вопрос о рептилоидах частично затрагивает и Р. В. Шиженский в статье, посвященной анализу общественного объединения «Волшебное войско Руси» (2022). Однако развернутого анализа мифа о рептилоидах и форм его реализации в российской медиасреде в научной литературе не выявлено. Настоящая статья направлена на восполнение этого пробела.

Цель исследования — проследить эволюцию и выявить механизмы трансформации архаического мифологического образа антропоморфных рептилий в российском медиапространстве: от народных сказок до современных конспирологических сюжетов в подростковой анимации.

В задачи исследования входят:

- Выявить архаические истоки и мифопоэтическую основу образа рептилии в зарубежной и российской традициях.
- Проанализировать амбивалентность образа рептилии в русских сказках.
- Исследовать трансформацию архаического мифа о рептилиях в современную конспирологическую теорию о рептилоидах и ее адаптацию в российском культурном контексте.
- Проанализировать репрезентацию образа рептилоида-антагониста в новейшей российской анимации («Супергерои.ру», «Невский») и идеологические функции этого образа.
- Объяснить психологические и социальные механизмы, обеспечивающие устойчивость и популярность рептилоидного мифа.

Гипотеза исследования формулируется следующим образом: древний мифологический образ рептилии благодаря своей архетипической природе и амбивалентности демонстрирует значительную культурную устойчивость. Современные медиа, в частности анимационные сериалы, наследуют функции традиционных медиа, таких как сказка, перерабатывают этот образ, наполняют его конспирологическим содержанием и используют для решения собственных идеологических задач.

Методология

Методологическим основанием работы выступает медиологическая теория французского социального мыслителя Р. Дебре. *Медиология* — это методологическая рамка, объединяющая историю, антропологию, социологию, философию техники и теорию культуры и позволяющая понять, почему одни культурные формы сохраняются на протяжении веков, а другие исчезают, а также каким образом материальные средства и социальные институты обеспечивают их долговечность. В ее рамках понятие «медиа» трактуется широко: плуг, книга, школа, сказка — все это медиа. Все перечисленные явления и предметы обладают техническим измерением, включены в институциональные механизмы передачи и характеризуются культурной долговечностью.

В медиологическом понимании как плуг, так и сказка выступают полноценными медиа, хотя принадлежат к разным типам культурных посредников. Плуг — материальный тип медиа, соединяющий техническое устройство с социальными практиками: он воплощает в своей форме и конструкции накопленный опыт земледелия и передает его через обучение и труд в рамках ремесленной традиции. Сказка, напротив, представляет собой символический тип медиа: ее устройством служит устойчивый нарратив, институтом — традиция устного рассказа, школьного чтения или сценического воплощения. Плуг обеспечивает передачу способов физического выживания и организации хозяйственного уклада; сказка же транслирует моральные нормы, коллективные образы и систему ценностей, формируя культурную идентичность. В обоих случаях долговечность достигается сочетанием материального или формального носителя и институциональной инфраструктуры. В этом и состоит суть медиологического подхода: устройство и институт совместно обеспечивают сохранение и воспроизводство культурных форм во времени (Дебрэ, 2009).

Отчасти справедливым может показаться упрек в том, что мы используем термин «рептилоид» расширительно, ретроспективно распространяя его описательные возможности на эпохи, в которых это понятие отсутствовало, а мышление строилось в иных категориях. С этим связан и другой возможный упрек: термин «рептилоиды» принадлежит языку конспирологии, поэтому его использование в академическом исследовании может показаться сомнительным. На наш взгляд, рефлексивное употребление термина и аналитическое описание феномена не свидетельствуют об исследовательской ангажированности. Подобно тому как исследователи национализма используют политически индоктринированный термин «нация» (Малахов, 2005), мы употребляем термин «рептилоиды» в аналитическом ключе. Что касается применения термина к прошлому, отметим следующее: нас интересует мифологическая составляющая современного мышления, формируемого широким спектром медиа — от устно рассказываемых сказок до фильмов и мультсериалов. Следовательно, «рептилоидность» существ из русских народных сказок может восприниматься как реальная характеристика теми, кто разделяет или нерефлексивно усваивает миф о хладнокровных антропоморфных существах. Тем не менее мы предлагаем различать два термина: «рептилоид» и «рептильный образ». «Рептилоид» — элемент современного конспирологического дискурса, а «рептильный образ» — аналитическая категория, используемая для описания древних и фольклорных мотивов антропоморфных рептилий.

Рассматриваемая тема весьма обширна, поэтому в статье мы ограничиваемся анализом традиционных медиа (сказок и книг) и компьютерной анимации, исключая из анализа телепередачи и социальные сети. Отметим лишь, что в российском интернет-пространстве образ рептилоидов

приобрел статус устоявшегося мема, функционирующего как в серьезном конспирологическом дискурсе, так и в сатирических и пародийных практиках. На популярных платформах, таких как «ВКонтакте», Telegram или YouTube, появились тысячи фотографий и видеозаписей, в которых пользователи представляют знаменитостей и политиков как рептилоидов. Существуют сотни сообществ, посвященных теме рептилоидов: от серьезных конспирологических до откровенно пародийных. Мемы о рептилоидах стали частью российской интернет-культуры и используются для иронического комментирования различных явлений, в том числе политических событий.

Для достижения цели исследования и решения поставленных задач использован качественный компаративный анализ. Посредством целевой выборки были отобраны показательные медиаматериалы, содержащие рептильные образы и относящиеся к следующим ключевым «медиа-эпохам»:

- устная фольклорная традиция;
- литература;
- кино и мультипликация.

Единицей анализа выступил рептильный персонаж (лягушка, в том числе антропоморфная, змей, ящерица и т. п.), играющий значимую роль в сюжете. Анализ опирался на качественное сравнение функций и смыслов рептильных образов в различных медиаконтекстах — от фольклора до современной анимации, с учетом их нарративных ролей, символических и идеологических характеристик.

В фольклоре рептильные персонажи часто выступали помощниками или носителями сакрального знания и характеризовались выраженной амбивалентностью, тогда как в современной российской анимации они зачастую представлены как антагонисты. Основное внимание в исследовании уделяется качественному компаративному анализу. Это обусловлено самой природой изучаемого феномена: ключевой задачей является не количественный учет отдельных характеристик, а реконструкция логики трансформации «семантического ядра» архаического образа при переходе между различными «медиа-эпохами» и идеологическими контекстами. Количественные методы, несмотря на их наглядность, не позволяют в полной мере раскрыть глубину идеологических и культурных перекодировок, которые являются основным предметом данного исследования.

Архаические корни рептильной мифологии

Мотивы магических земноводных и пресмыкающихся возникли задолго до письменной фиксации русских сказок: сходные сюжеты встречаются уже в античных источниках. Так, Геродот в V веке до н. э. зафиксировал легенду о женщине-змее, что позволяет говорить о глубокой древности

подобных сюжетов. В «Истории» Геродота описывается эпизод, в котором Геракл, разыскивая своих пропавших коней, приходит в Гилею. Там он встречает существо двойственной природы — женщину со змеиной нижней частью тела. Она сообщает герою, что кони находятся у нее, но соглашается вернуть их лишь при условии вступления Геракла с ней в половую связь. Герой принимает ее условие (Геродот, 2008). Отметим, что от этого союза родились дети, один из которых стал прародителем скифов (Петров & Макаревич, 1963).

В целом тема оборотничества — превращения животного в человека и обратно — является частью древних мифов. Так, в шотландской мифологии встречаются селки — тюлени, «мифологические существа, обладавшие способностью попеременно принимать облик то человека, то тюленя (однако они лишались последней возможности с утратой волшебной тюленьей шкуры)» (Трынкина, 2014), а в японском фольклоре распространены предания о лисицах-оборотнях (кицунэ) (2013).

Женщина-волшебница или мужчина в обличье лягушки, жабы или змеи — интернациональный образ, встречающийся в традициях народов России и Европы, а также коренных народов Америки. Одним из зарубежных аналогов русских сюжетов является немецкая сказка «Принц-лягушка» братьев Гримм. Сравнивая немецкую сказку с героем-мужчиной и русскую сказку с героиней-женщиной, нарратив которой, однако, также выстроен с маскулинной позиции, А. В. Жучкова приходит к следующему выводу: образ лягушки в русском и немецком фольклоре следует трактовать как символ внутренней трансформации, основанной на доверии и любви, позволяющих преодолеть эгоизм (2014).

Особенно богаты рептильными символами восточные культуры. В китайской мифологии драконы — благородные существа, символы мудрости и императорской власти. Примечательно, что в современной политической мифологии Китая дракон — это еще и символ национального единства: «Древние источники не только воссоздают внешность дракона, но и характеризуют части тела дракона. В древних легендах различные части тела дракона представляют собой тотемы разных племен. По мере роста племени различные части тела дракона также увеличиваются. Процесс формирования дракона представляет собой процесс развития и объединения китайской нации и олицетворяет различные этнические группы, равенство и солидарность. Дракон – это сокровище и тотемный символ китайской нации, а также основа китайской культуры. Образ китайского дракона позитивен, активен, священен и величественен» (Шулин, 2024, с. 207–208).

Индийская традиция знает нагов — полулюдей-полузмей. Согласно одной из версий, мифологический образ нагов возник в результате дегуманизации реального народа и его символического уподобления животным, предшествовавшего геноциду (Anshu, 2023, pp, 15–16). При этом в буддизме наги являются положительными персонажами: «Наги, легенды о которых во множестве

содержатся в буддийских текстах, были не просто почитателями Будды, но и важными фигурами в жизни вероучителя. Например, царь нагов Мучалинда укрыл своим змеиным капюшоном Будду во время медитации под деревом Бодхи от дождя и бури. И совсем особую роль они сыграли в сохранении буддийских реликвий» (Сидорова, 2022, с. 79).

В мезоамериканских культурах Кецалькоатль — пернатый змей — почитался как божество знания:

> «Каждую ночь происходит страшная битва, в финале которой Солнце всходит на небо до прихода вечера. В основе мифа о создании людей Пятого Солнца лежит жертва, которую принесли шесть богов под предводительством Кецалькоатля (Кецалькоатль (Quetzalcoatl) – “змея, покрытая зелеными перьями” или “драгоценный отец змей, сметающий дороги”, в мифологии индейцев Центральной Америки одно из трех главных божеств, бог-творец мира, создатель человека и культуры, владыка стихий, бог утренней звезды, близнецов, покровитель жречества и науки): они окропили своей кровью кости умерших людей, благодаря чему появились новые люди – новая раса. И кровь, которая проливается во время жертвоприношения, в определенном смысле – дань благодарности богам за совершенное самопожертвование» (Петросян, 2017, с. 29).

Таким образом, волшебные лягушки и ящерицы имеют общие для различных культур мифологические корни. Широкое распространение мифов о существах, сочетающих человеческие и рептильные черты, свидетельствует об их архаической природе и отражает универсальные человеческие страхи и желания, связанные с преодолением границ между мирами, трансформацией и обретением скрытых знаний.

Исследователи мифопоэтики, в том числе В. Я. Пропп, интерпретировали мотивы брака с лягушкой или ящерицей как отголоски древних тотемических представлений и обрядов инициации, в которых преодоление отвращения и страха перед «нижним миром» ведет героя к обновлению:

> «В сказке «Царевна-лягушка» (Аф. 267-269) царь после женитьбы своих сыновей ни с того ни с сего вдруг объявляет: “Чтобы жены ваши испекли мне к завтраму по мягкому белому хлебу” (Аф. 269). Однако из дальнейшего становится ясным, что этим невеста-лягушка возвеличивается, т. е. задаванье задач ведет, как и в иных случаях, к выделению магически вооруженного из простых смертных» (1986, с. 307).

Психоаналитические школы усматривают в образе рептилии-жены архетипическое воплощение анимы — женского начала в мужском бессознательном. К. Г. Юнг указывал, что змея в сновидениях и мифах часто символизирует мудрость и цикличность бессознательного, а ее холоднокровная природа отражает необходимость интеграции инстинктивного, животного начала в человеческую психику (Юнг, 1997). Следует, однако, учитывать, что подобные интерпретации не поддаются эмпирической верификации и в значительной степени опираются на спекулятивные построения, сближающие их с эзотерическим дискурсом. Тем не менее традиция аналитической

психологии сохраняет влияние, поэтому целесообразно обратиться к идеям М.-Л. фон Франц, ученицы Юнга.

М.-Л. фон Франц исследовала сказки о животных-супругах и пришла к выводу, что они описывают процесс индивидуации — психологического созревания личности через принятие теневых аспектов своей природы. В этом контексте лягушачья кожа символизирует защитную оболочку, которую душа сбрасывает только тогда, когда обретает принятие и оказывается понятой (2004, с. 364).

Другой исследователь, отошедший, подобно Юнгу, от психоанализа З. Фрейда, но не примкнувший к аналитической психологии, — О. Ранк. В работе «Миф о рождении героя» он обратил внимание на то, что многие герои мифов и сказок проходят через символическую смерть и возрождение, часто связанные с поглощением чудовищем или превращением в животное (2020). Сказка о лягушке инвертирует этот мотив: здесь персонаж скрывается под животной личиной, а освобождение происходит через акт самопожертвования и любви.

Образы лягушки и ящерицы в русской сказочной традиции

В русских волшебных сказках и легендах образы разумных земноводных и пресмыкающихся нередко имеют положительную коннотацию. Царевна-лягушка предстает мудрой помощницей героя: под непривлекательной оболочкой скрывается добродетельная царевна, превосходящая других невест необыкновенными способностями, мастерством и мудростью. Ее превращение из лягушки в красавицу символизирует преображение и вознаграждение героя за проявленные доверие или смирение.

В различных вариантах сказки о Царевне-лягушке, собранных А. Н. Афанасьевым, героиня проявляет не только красоту, но и практические навыки, недоступные обычным женщинам. Она печет хлеб, превосходящий остальные, ткет ковры за одну ночь; во время ее танца из рукавов возникают озера, по которым плывут лебеди (1985, с. 266); ср. со сказкой «Царевна-змея», в которой Кощей Бессмертный заколдовал царевну за отказ выйти за него замуж (с. 268–270). Эти мотивы указывают на связь образа лягушки с водой, птицами и плодородием.

Символическое значение лягушки в русской народной культуре многогранно. На материале коллекций Российского этнографического музея Д. А. Баранов и Е. Л. Мадлевская проанализировали образ лягушки в восточнославянской вышивке, представленной на предметах домашнего убранства и элементах женского костюма севернорусских губерний и Полесья. Исследователи отмечают, что, несмотря на вариативность и высокую степень стилизации изображений — от реалистичных до зооантропоморфных и растительно-орнаментальных форм, — образ лягушки устойчиво связан с комплексом представлений о женском начале, плодородии и деторождении.

Эта связь подтверждается данными народных загадок, поверий, заговоров и сказок, где лягушка ассоциируется с утробой, маткой, менструальной кровью и молоком, а также выступает в роли медиатора между мирами, носительницы сакрального знания и участницы космогонических процессов. Таким образом, образ лягушки предстает как многоуровневый символ жизненной силы, плодородия и творения, соединяющий микрокосм человеческого рождения и макрокосм мироздания (Баранов & Мадлевская, 1999).

Уральская Хозяйка Медной горы — еще один пример положительно маркированного рептильного образа: владычица гор, способная принимать облик ящерицы, владеет сокровищами Урала и может одарить трудолюбивого мастера самоцветами либо наказать за жадность. В сказах П. П. Бажова среди мелких ящериц выделяется главная — Хозяйка горы, а над змеями господствует Великий Полоз, распоряжающийся подземным золотом. В сказе «Про Великого Полоза» Бажов описывает, как Полоз управляет расположением золотых жил:

> Семеныч и объясняет ребятам:
>
> – Это есть Великий Полоз. Все золото в его власти. Где он пройдет – туда оно и подбежит. А ходить он может и по земле и под землей, как ему надо, и места может окружить, сколько хочет. Оттого вот и бывает – найдут, например, люди хорошую жилку, и случится у них какой обман, либо драка, а то и смертоубийство, и жилка потеряется. Это, значит, Полоз побывал тут и отвел золото. А то вот еще... Найдут старатели хорошее, россыпное золото, ну, и питаются. А контора вдруг объявит – уходите, мол, за казну это место берем, сами добывать будем. Навезут это машин, народу нагонят, а золота-то и нету. И вглубь бьют и во все стороны лезут – нету, будто вовсе не бывало. Это Полоз окружил все то место да пролежал так-то ночку, золото и стянулось все по его-то кольцу. Попробуй найди, где он лежал.
>
> Не любит, вишь, он, чтобы около золота обман да мошенство были, а пуще того, чтобы один человек другого утеснял (1970, с. 166).

Хозяйка и Полоз охраняют природные богатства и воплощают представление о справедливости стихийных сил, восходящее к языческой картине мира. При этом следует учитывать, что сказы Бажова создавались в советский период, что отразилось на их идейном содержании, в частности на акцентировании мотива трудолюбия и темы классового угнетения.

Наряду с положительными трактовками встречаются и отрицательные. В народных поверьях всех «гадов» — змей, жаб, ящериц — часто относили к нечисти из-за их связи с холодом и подземным миром. Считалось, что ведьмы и колдуны подчиняют себе этих существ: Баба-яга варит в котле жаб, змей и ящериц, готовя зелья из их плоти. Тем не менее убийство домашней змеи у славян считалось грехом. В XVIII в. М. Чулков писал:

> «Змеи – сии пресмыкающиеся почитались у некоторых славян домашними богами, им приносили в жертву молоко, сыр, яйца, и все, что на стол поставля-

лось. Запрещено было всем делать сим животным вред, а в противном случае жестоко наказывали, а иногда и жизни лишали преступников сего закона» (1786).

Образ Змея Горыныча, зачастую трехглавого дракона, в былинах и сказках воплощает враждебное змееподобное существо: змей олицетворяет хаос, над которым богатырь одерживает победу (ср. с мифом о Геракле и гидре). В былинах о Добрыне Никитиче змей похищает племянницу князя Владимира и уносит ее в свое логово (Добрыня и змей, 1969). Только героическое вмешательство богатыря спасает девицу и устраняет угрозу, исходящую от змея.

При этом даже отрицательно маркированные рептильные персонажи выполняют функцию испытания героя и в конечном счете способствуют утверждению идеи торжества добра.

Конспирологический образ рептилоида: от мифа к фантастике

В XX–XXI веках древний мифологический образ змея претерпел трансформацию в массовой культуре и лег в основу конспирологического мифа о рептилоидах. Британский публицист Д. Айк прославился конспирологической теорией, согласно которой мировые лидеры — маскирующиеся под людей инопланетные рептилии.

Согласно теории Айка, изложенной в книгах «Величайший секрет» (1999) и «Дети Матрицы» (2001), человечество находится под контролем расы рептильных существ, прибывших на Землю тысячи лет назад:

> «Они и другие пришли сюда из созвездий, таких как Орион, Дракон, Андромеда, Лира и Волопас… Рептилоиды – это высокий, в основном гуманоидный тип расы, со змеевидными глазами и кожей, и они связаны с классическими “серыми” (*аналог зеленых человечков* – А. В.) с большими черными “глазами”, которые стали символом “инопланетян”» (Icke, 2001, p. xxi).

По его версии, эти существа создали тайные общества и объединения, включая масонские и иллюминатские организации, а также Бильдербергский клуб, посредством которых управляют мировой политикой и экономикой:

> «Кровные линии, которые контролируют мир и наши жизни сегодня, – это те же кровные линии, которые правили Лемурией, Атлантидой, Шумером, Египтом, Вавилоном, Римской империей, Британской и Европейской империями. Это президенты Соединенных Штатов, премьер-министры, ведущие банковские и бизнес-семьи, владельцы СМИ и те, кто контролирует военных. Нами тысячи лет правит одно и то же племя межвидовых гибридов внеземного или внутриземного происхождения» (p. xxiii).

В целом эта теория напоминает сюжет фильма «Чужие среди нас» (1988) режиссера Дж. Карпентера. Однако между ними существует существенное различие: идеологический *пафос* фильма Карпентера можно интерпретировать как призыв к борьбе угнетенного класса с классом эксплуататоров,

что показывает С. Жижек[1]. У Айка же он приобретает расовую направленность. Исследователь конспирологии М. Баркун отмечает:

> «Хотя Айк осторожно намекает… что «Протоколы [сионских мудрецов]» написали иллюминаты, а не евреи, это первый из целого ряда случаев, когда Айк заходит на опасную территорию антисемитизма» (Barkun, 2013, p. 105).

Кроме того, Баркун указывает, что

> «Айк поддерживает постоянные отношения с редакторами изданий “Phoenix”… которые публикуют якобы полученные послания от Плеядианского инопланетянина по имени Хатонн. Эти издания, в разное время базировавшиеся в Техачапи (Калифорния) и Лас-Вегасе, представляют наиболее откровенно антисемитский сегмент уфологии; их отличает навязчивый страх перед глобальным еврейским заговором, о котором инопланетянин Хатонн предостерегает добродетельных землян» (p. 107).

Айк описывает рептилоидов как существ, которые способны изменять облик и выглядеть как обычные люди, но в стрессовых ситуациях обнаруживают свою истинную природу: их зрачки становятся вертикальными, как у рептилий, а кожа приобретает чешуйчатый узор. Он утверждает, что многие мировые лидеры — от британской королевской семьи до американских президентов — являются либо рептилоидами, либо их гибридами с людьми (Icke, 1999).

Со временем эта конспирологическая мифология дополнилась множеством деталей: рептилоиды якобы происходят с далеких планет, обладают гипнотическими способностями и тайно управляют человечеством через элиты. Согласно теории Айка, они питаются негативными эмоциями людей и целенаправленно провоцируют конфликты, войны и страдания с целью получения энергии. Теория рептилоидов Айка представляет собой сложный и противоречивый культурный симптом. Она одновременно выражает глубокие общественные тревоги и предлагает упрощенные, а зачастую и реакционные ответы. Хотя в ней можно выявить утопический импульс — стремление понять мир и преодолеть разобщенность, в целом она остается встроенной в те же идеологические системы — капитализм и антропоцентризм, — которые стремится разоблачить (Lewis & Kahn, 2005).

Идеи Айка, хотя и маргинальные с точки зрения академической науки, приобрели широкую известность и породили своеобразный современный фольклор. В интернете появились тысячи видеозаписей, в которых сторонники конспирологической теории пытаются идентифицировать политиков и знаменитостей как рептилоидов на основании анализа их мимики, движений глаз и особенностей речи. В результате граница между пародийным и буквальным восприятием этой теории размывается: одни пользователи создают иронические мемы, тогда как другие всерьез допускают, что глава их правительства — дракон.

1 Slavoj Žižek on “They Live” (The Pervert’s Guide to Ideology). URL: https://www.youtube.com/watch?v=TVwKjGbz60k

Рептилоидная тематика в российском контексте

Как было показано выше, рептильный миф устойчиво представлен в сказочных медиа. С развитием науки и техники сказка начинает воспроизводиться в новых медиаформах. Например, В. М. Васнецов завершил работу «Царевна-лягушка» в 1918 г. По самому изображению неочевидно, что перед зрителем находится женщина, сбросившая лягушачью кожу: это становится понятно из контекста и названия произведения. Тем не менее в работе отсутствует однозначно негативная трактовка образа. Напротив, картина наполнена атмосферой праздника и веселья, сочетающейся с мотивами тоски и прощания: «Царевна-Лягушка» сегодня воспринимается как реакция на внутриполитические события. Художник изобразил на заднем плане идиллический мир русской деревни, празднующих завершение сбора урожая крестьян. В контексте земельных реформ начала XX века, которые разрушили традиционный уклад жизни простого народа, жест обернувшейся к крестьянам царевны воспринимается как прощание с безвозвратно ушедшим прошлым» (Васина, 2019).

Советская медиаиндустрия воспроизводила народную сказку в традиционном ключе, в рамках которого Царевна-лягушка предстает положительным персонажем, а Змей Горыныч — отрицательным, однако эти образы получают специфическую идеологическую интерпретацию. Так, в фильме «Василиса Прекрасная» (1939) показано, что лягушка — персонаж, связанный с народной и крестьянской средой, способный работать руками, в отличие от грубых и неотесанных дворянок и купчих. Змей Горыныч выступает очевидной персонификацией капитала, которого свергает крестьянин Иван, возвращая себе жену-лягушку, одновременно символизирующую любовь, собственность и неотчуждаемый труд. В менее идеологически ангажированном мультфильме «Василиса Прекрасная» (1977) классовый аспект все же присутствует, однако Иван уже не крестьянин, а царский сын, а сама лягушка явно не крестьянка, а царевна, как и в исходной сказке.

В период Перестройки вышел фильм режиссера М. Захарова «Убить дракона» (1988), снятый по мотивам пьесы Е. Шварца «Дракон» 1942-1944 гг. Подобно образам китайской мифологии, убитый Дракон продолжает воплощаться в других персонажах. Несмотря на то что пьеса ставилась в СССР в 1940-е, 1960-е, 1970-е и 1980-е гг., перестроечный фильм может интерпретироваться в ином контексте: не сменит ли «коммунистического дракона» другой, скрывающийся под личиной капитализма? В данном контексте название современной чиптюн-группы «Yeltsin is Illuminati» приобретает подчеркнуто конспирологическое звучание.

В России мотив всезнающих змееподобных заговорщиков также получил распространение. В частности, еще до появления основных работ Айка, писатель Ю. Петухов в конце 1980-х — начале 1990-х годов развивал в своих

романах идею извечной войны России с космическими захватчиками, включив конспирологическую мифологию в научно-фантастический жанр.

Сочинения Петухова изображают инопланетных существ как злобных захватчиков. Эти образы во многом перекликаются с теорией Айка, однако получают специфическую патриотическую окраску. В «Сатанинском зелье» Петухова можно встретить следующее описание:

> А когда ему стало совсем нехорошо, когда свело судорогой мышцы шеи и окончательно пересохло в глотке, он вдруг увидал, что по стволу змеится, стекает вниз что-то зеленое, зыбкое. Он проморгался до слез, но зелень не исчезла.
>
> – Изыди, дьявол! – прохрипел он, вспоминая нечто старинное, вычитанное, а может, и виденное где-то в кино. – Изыди, кому уговорю!
>
> Зелень скопилась на острие большущей нависающей каплей. В ней прорвалась дыра. А из дыры высунулся мутный глаз. Он покачивался на морщинистом толстом стебле и глядел на Сергея. Глядел изучающе, с любопытством.
>
> «– Вы ошибаетесь, – прозвучало глуховато из зелени. Сергей не понял, откуда именно раздавался голос. Но его не смущало это, он был готов вцепиться в соломинку. – Дьявол тут совсем не причем, хотя... – голос осекся, будто говоривший внезапно пришел в замешательство...» (Петухов, 1991a, с. 31).

Отметим, что Петухов в дальнейшем стал трактовать инопланетных существ как бесов, то есть фактически вернулся к исходной интерпретации, на которую вскользь, запинаясь, указывает змееподобное полужидкое существо из «Сатанинского зелья».

Петухов напрямую не говорит о рептилоидах, но пишет о так называемом народе русов (2009b), причем уже не в художественных, а в паранаучных публицистических работах. В дальнейшем эти дискурсы смешались, вследствие чего возникла конспирологическая и одновременно полушуточная теория борьбы древних русов с рептилоидами. Например, идея борьбы рептилоидов с русами доведена до пародийной крайности в образе вымышленного профессора Алексея Сергеевича Багирова; популярность темы оказалась настолько значительной, что в 2023 г. вышла компьютерная игра «Русы против ящеров».

Российские конспирологи адаптировали западные теории о рептилоидах к отечественным реалиям. В их интерпретации рептилоиды стоят за разрушением традиционных ценностей и попытками ослабить Россию. Особую популярность приобрела идея о том, что рептилоиды боятся русской духовности и поэтому особенно активно пытаются подорвать российскую государственность.

Таким образом, легенда о рептилиях, восходящая к архаическим мифам и народным сказкам, в массовом сознании трансформировалась в образ тайного врага человечества. Конспирологический дискурс придал древнему мотиву политическую окраску: антропоморфные рептилии стали метафорой

враждебных сил глобализма и чуждых элит. Несмотря на антинаучность, этот образ укоренился в массовой культуре.

Рептилоиды как злодеи в современной российской анимации

Отголоски конспирологических мифов о рептилоидах нашли отражение и в новейших российских мультфильмах. В патриотически ориентированном мультсериале «Супергерои.ру» (2023) ключевым антагонистом выступает загадочное космическое существо — Рептилоид (таково имя персонажа в мультсериале), который стремится поработить Землю.

По сюжету Рептилоид уже подчинил себе коллективный Запад, подкупив его элиты, и лишь Россия остается непокоренной. Рептилоид действует из космоса и олицетворяет абсолютное зло. Он предстает холоднокровным диктатором, не знающим ни любви, ни жалости, источником хаоса и смерти.

В мультсериале детально проработана иерархия зла под руководством Рептилоида. Его ближайшие помощники — люди в деловых костюмах, явно отсылающие к образам западных бизнесменов и политиков. Он стоит над марионеточным мировым правительством — группой циничных бизнесменов из условного Нью-Йорка. Поведение этих персонажей отсылает к конспирологическим представлениям о глобальном клубе элит. Визуальное решение образа Рептилоида сочетает классические черты змеи с современными технологическими элементами.

Таким образом, в детский приключенческий сериал вводится ориентированная на взрослую аудиторию конспирологическая метафора: рептилоидное чудовище символизирует внешнюю силу, желающую уничтожить Россию, и объединяет вокруг себя всех прочих злодеев. В сюжете он выступает финальным противником, воплощением зла, с которым героям предстоит решающая схватка, а также скрытым манипулятором, разлагающим мир изнутри.

Приписываемые Рептилоиду качества — холодность, жестокость и маниакальное стремление к власти — противопоставляются ценностям, воплощенным семьей главных героев: дружбе, любви и самоотверженности. Главные герои мультфильма — обычная российская семья с тремя детьми, в которой мать — ученая, а отец — инженер (на самом деле сотрудник спецслужб).

Через эту оппозицию мультфильм транслирует идею о моральном превосходстве традиционных ценностей над бездушным злом. Прослеживается и идеологический нарратив: рептилоидный враг ассоциируется с условным Западом, а победа над ним метафорически утверждает силу сплоченной российской семьи и государства (Вафин, 2024).

Сходный образ используется в мультсериале «Невский» (2024), в котором супергероика сочетается с историко-патриотическим пафосом. Здесь глав-

ному герою, богатырю по имени Невский, противостоит космическое зло по имени Мор, имя которого созвучно слову «мор» — «гибель».

Мор типологически близок Рептилоиду из «Супергероев.ру»: это древний рептилообразный монстр, стремящийся погубить мир, прежде всего Россию. В ходе развития сюжета Мор теряет физическое тело и превращается в некое всевидящее око — мистическое вселенское зло, напоминающее образ Ока Саурона в экранизации «Властелин колец» (2001).

Согласно сюжету, Мор прибыл на Землю еще в древние времена и с тех пор пытается захватить планету, причем основным объектом его экспансии становятся русские земли. Он стоял за татаро-монгольским нашествием, Смутным временем, революцией 1917 года и другими трагедиями русской истории.

Его приспешники также имеют рептильный облик и спускаются на Землю из космоса: в мультфильме фигурируют орды инопланетных лягушек, служащих злому Мору. Эти создания выглядят как гибриды обычных лягушек и людей, одетые в костюмы, напоминающие спортивные (по всей видимости, это отсылка к субкультуре гопников).

Рептилоидные злодеи в «Невском» выполняют ту же роль, что и злодеи «Супергероев.ру»: они персонифицируют абсолютное зло, с которым борется команда положительных героев: сам Невский, дети-богатыри, девушка Василиса (наследующая образ премудрой царевны, но не связанная с лягушачьим обликом) и даже говорящий Кот-ученый из пушкинской поэтической традиции.

Визуально и сюжетно сериал объединяет современные спецэффекты с традиционными образами, создавая понятный зрителю культурный код: старые сказочные символы (Невский как собирательный образ защитника земли русской, Василиса, Кот-баюн) вступают в битву с современным, но бездушным чудовищем.

Тем самым проводится параллель между былинной борьбой добра со змеем и изображаемой в мультсериале современной борьбой России с глобальным злом. Идеологически «Невский» подчеркивает преемственность героических защитников Отечества: если исторический Александр Невский побеждал врагов на Чудском озере, то современный герой, носящий имя Невский, побеждает космического дракона Мора, спасая Родину от гибели.

В обоих мультсериалах рептилоиды наделены явными чертами злодеев-конспираторов, что используется в целях патриотического воспитания. Они символизируют внешнюю угрозу и чуждую силу, которую могут одолеть лишь сплоченные, смелые герои, воплощающие нравственный идеал.

Возможное возражение связано с тем, что исследование ограничивается двумя мультсериалами, которые не охватывают всего разнообразия рептилоидных образов в российских медиа. Однако значимость отобранного материала определяется не только объемом выборки, но и массовым характером

рассматриваемых произведений, спецификой представленных в них образов и выполняемыми ими функциями. Подобно тому как несколько книг Д. Айка способствовали популяризации образа рептилоида, два мультсериала могут способствовать закреплению соответствующих представлений в сознании детской и подростковой аудитории.

Рептильный облик подчеркивает инаковость этих антагонистов и их нечеловеческую природу: они изображены как хладнокровные существа, лишенные эмпатии. Через этот образ авторы транслируют понятный детям и подросткам смысл: зло может скрываться под маской, однако его истинная сущность неизбежно проявляется, и добро, опирающееся на семейные ценности и любовь к Родине, одерживает победу.

Использование рептильного образа продолжает древнюю медиатрадицию: от сказочного змея к инопланетному захватчику — образ рептилии остается удобным носителем смыслов, связанных с противостоянием хаосу и защитой собственного мира. В современных условиях этот образ обогащается конспирологическими мотивами и служит элементом идеологического нарратива, однако по-прежнему противостоит герою и испытывает его доблесть, как и в традиционной сказке.

Анализ мифологических, фольклорных и современных интерпретаций позволяет выделить ряд устойчивых характеристик, определяющих феномен рептильного образа:

1. Амбивалентность. Образ рептилии восходит к древнейшим мифологическим пластам, представленным в культурах античного мира, Востока и Мезоамерики. Его двойственность — сочетание мудрости и разрушительной силы — делает этот символ гибким медиатором между сакральным и демоническим, возвышенным и нечистым. В российской традиции эта амбивалентность проявляется в образе Царевны-лягушки: непривлекательная лягушачья оболочка противопоставляется образу прекрасной девы.
2. Инаковость. Рептилия маркирует границу между человеческим и нечеловеческим. Ее хладнокровие, связь с водной и подземной стихиями и потусторонняя природа создают удобную символическую основу для образа иного или врага как в фольклоре, так и в современных конспирологических нарративах.
3. Маскировка и оборотничество. Рептилоид способен менять облик — это мотив, переходящий от сказок о превращении (лягушка — человек) к теориям Д. Айка. В конспирологии этот мотив становится метафорой скрытой угрозы: врага трудно распознать, и он может находиться среди людей.
4. Связь с тайной властью. Рептилия — не просто чудовище, но носитель тайной власти. В народных сказках рептильный персонаж хранит сокро-

вища, в конспирологии — управляет мировыми элитами. В российской анимации этот мотив трансформируется в идеологему борьбы добра с мировым злом.

Отметим также, что российская медиатрадиция адаптирует рептильный миф к задачам конструирования идеологического нарратива: рептилоид символизирует внешнего врага и чуждую цивилизацию, а победа над ним утверждает патриотические и духовные ценности.

Психологические механизмы популярности рептилоидных теорий

Рептилоидный миф канализирует коллективные страхи перед утратой идентичности, манипуляцией и властью мировых элит, функционируя как проекция массового сознания и бессознательного, а также как средство упрощенного объяснения сложных социальных процессов.

Эти особенности делают рептилоидный образ универсальным медиальным конструктом, способным интегрировать архаические, психологические и идеологические смыслы.

Важно отметить, что широкое распространение веры в рептилоидов в современной российской культуре требует объяснения с точки зрения социальной психологии. Исследователи выделяют несколько факторов, способствующих популярности подобных представлений.

Популярность конспирологических теорий объясняется стремлением людей удовлетворить три ключевые психологические потребности: эпистемические — поиск смысла, объяснений и уверенности в условиях неопределенности или противоречивости информации; экзистенциальные — стремление сохранять ощущение контроля и безопасности во внешней среде, воспринимаемой как угрожающая; и социальные — защита позитивного образа себя и своей группы посредством обвинения внешних враждебных сил. Однако, хотя такие теории могут казаться привлекательными, они часто не удовлетворяют эти потребности, а, напротив, усиливают чувство беспомощности, недоверия и социальной изоляции, особенно среди уязвимых групп (Douglas, Sutton & Cichocka, 2017).

Возникает закономерный вопрос: почему при преимущественно позитивной или, по крайней мере, амбивалентной сказочной традиции (Царевна-лягушка, Хозяйка Медной горы) рептилоиды в современной российской конспирологии и массовой культуре почти исключительно воплощают абсолютное зло? Эта трансформация обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами, ключевым из которых является идеологическое перепрофилирование архаического образа под влиянием западных конспирологических теорий. Прежде всего происходит смещение семантического акцента с природного начала на чужеродное. В фольклоре рептильный образ укоренен

в природном и потустороннем мире. Он представляет собой стихийную силу, которую можно задобрить, с которой можно договориться или которую необходимо победить как часть миропорядка. Царевна-лягушка — часть этого мира, хотя и заколдованная. Конспирологический рептилоид, напротив, — принципиально чужеродный элемент. Он приходит из космоса или иного внешнего пространства, а его цель — не сосуществование, а порабощение и уничтожение человеческой расы, в частности россиян. Это переводит образ рептилоида из области сакральной амбивалентности в сферу чистого, безусловного и при этом банального зла. Российская конспирология и массовая культура не изобрели этот образ заново, а заимствовали и адаптировали уже готовый, радикально негативный конструкт западного происхождения, превратив сам образ рептилоида в символ Запада.

В российском контексте теории о рептилоидах дополнительно подпитываются представлениями о необходимости защиты от актуальных внешних угроз.

Заключение

Проанализировав эволюцию рептильного образа от древних мифов через русские народные сказки к современным конспирологическим теориям и массовой культуре, можно констатировать значительную устойчивость этого феномена. На протяжении тысячелетий змеи, ящерицы и лягушки использовались как символы, выражающие глубинные психологические и социальные потребности.

В русской сказочной традиции рептильный персонаж нередко выступал как амбивалентный образ — одновременно пугающий и мудрый, опасный и полезный. Царевна-лягушка воплощала идею преображения через любовь и доверие, Хозяйка Медной горы — справедливость природных сил, а Змей Горыныч — хаос, который необходимо обуздать ради восстановления порядка.

В XX–XXI веках этот образ трансформировался под влиянием новых социальных реалий. Конспирологические теории о рептилоидах отразили современные страхи перед глобализацией, утратой национальной идентичности и предполагаемыми манипуляциями со стороны элит и средств массовой информации. Рептильный персонаж из сказочного помощника превратился в символ скрытой угрозы мирового масштаба.

Российская массовая культура адаптировала этот образ к собственным идеологическим потребностям, создав версию рептилоидного мифа, в которой акцент сделан на защите традиционных ценностей и суверенитета от внешних враждебных сил. Мультипликационные сериалы «Супергерои.ру» и «Невский» демонстрируют, как древний образ змея может использоваться в целях патриотического воспитания современных детей.

Популярность теорий о рептилоидах свидетельствует о том, что в эпоху информационного изобилия и социальной неопределенности люди по-прежнему нуждаются в простых, образных объяснениях сложных процессов. Мифологическое мышление не исчезло с развитием науки и технологий, а лишь приобрело новые формы выражения.

Для исследователей культуры эволюция образа рептилии представляет показательный пример того, каким образом архетипические символы сохраняют способность воздействовать на аудиторию, переходя из одной исторической эпохи в другую и адаптируясь к новым медиаформатам и идеологическим контекстам. От Василисы Премудрой в лягушачьей коже до космического Рептилоида, угрожающего человечеству, — данная эволюция отражает не только изменения в технологиях повествования, но и трансформацию коллективных представлений, общественных страхов и надежд, а также способов осмысления мира.

Таким образом, выдвинутая в начале исследования гипотеза в целом подтвердилась в рамках рассмотренного материала. Древний рептильный образ действительно демонстрирует культурную устойчивость и способность к идеологической трансформации. В современных российских медиа он сохраняет архаическую структуру, но наполняется новым — конспирологическим и патриотическим — содержанием, отражая актуальные идеологические потребности общества.

Заявления авторов

Согласие с политиками и положениями сетевого издания

Автор данной рукописи был уведомлен и согласен с действующими политиками и положениями сетевого издания, изложенными на веб-сайте.

Оригинальность и эксклюзивность рукописи

Автор подтверждает, что рукопись является оригинальной, ранее не публиковалась ни полностью, ни частично и не находится на рассмотрении для публикации в других изданиях.

Авторство и вклад (CRediT)

Вафин А. М. — проведение исследования и написание статьи

Политика в отношении препринтов и предыдущих версий

Автор подтверждает, что нет препринта/рабочей версии

Конфликт интересов

Конфликтов нет

Финансирование

Данная работа не профинансирована ни одним спонсором

Использование генеративного ИИ и вспомогательных инструментов

Инструменты искусственного интеллекта не указаны в качестве авторов; любой вклад (редактирование текста, перевод, иллюстрации, код) описан в разделе «Методы»; точность, оригинальность и соблюдение прав проверены.

Разрешения на использование (тексты, изображения, карты, иллюстрации)

Все материалы, защищённые авторским правом, воспроизводятся с разрешения правообладателя; соблюдаются условия лицензии (включая Creative Commons).

Благодарности и вклады без авторства

Благодарностей нет.

Список литературы

Anshu. (2023). Recontextualizing the Narratives: Exploring Oppression and Genocides in the Mahabharata. *The Creative Launcher*, *8*(4), 13–18. https://doi.org/10.53032/tcl.2023.8.4.02

Barkun, M. (2013). *A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America*. University of California Press.

Douglas, K. M., Sutton, R. M., & Cichocka, A. (2017). The Psychology of Conspiracy Theories. *Current Directions in Psychological Science*, *26*(6), 538–542. https://doi.org/10.1177/0963721417718261

Icke, D. (1999). *The Biggest Secret: The Book That Will Change the World*. David Icke Books.

Icke, D. (2001). *Children of the Matrix*. Bridge of Love Publications.

Lewis, T., & Kahn, R. (2005). The Reptoid Hypothesis: Utopian and Dystopian Representational Motifs in David Icke's Alien Conspiracy Theory. *Utopian Studies*, *16*(1), 45–74. https://doi.org/10.2307/20718709

Афанасьев, А. Н. (1985). *Народные русские сказки* (Т. 2). Наука.

Бажов, П. П. (1970). *Уральские сказы*. Детская литература.

Баранов, Д. А., & Мадлевская, Е. Л. (1999). Образ лягушки в вышивке и мифопоэтических представлениях славян. В *Женщина и вещественный мир культуры народов Европы и России* (сс. 111–130). Петербургское Востоковедение.

Васина, Е. В. (2019). «Поэма семи сказок» В. М. Васнецова. Биографический контекст. К постановке проблемы. *Культура и искусство*, (6), 1–9. https://doi.org/10.7256/2454-0625.2019.6.29880

Вафин, А. М. (2024). На службе спецслужб: Идеология консерватизма в американской массовой культуре. *Знание. Понимание. Умение*, (1), 224–229. https://doi.org/10.17805/zpu.2024.1.17

Геродот. (2008). *История*. Эксмо; Мидгард.

Дебрэ, Р. (2009). *Введение в медиологию*. Праксис.

Добрыня и змей. (1969). Детская литература.

Жучкова, А. В. (2014). Образ лягушки как символ внутренней трансформации героя в русском и немецком фольклоре. *Вестник славянских культур*, (4), 107–115.

Колосова, И. В. (2016). Новые религиозные движения в России и СНГ. *Обозреватель*, (11), 19–35.

Малахов, В. С. (2005). *Национализм как политическая идеология*. КДУ; ОАО Дом печати – Вятка.

Петров, В. П., & Макаревич, М. Л. (1963). Скифская генеалогическая легенда. *Советская археология*, (1), 20–31.

Петросян, М. С. (2017). Ацтекский миф о солнце в поэзии Д. Г. Лоуренса. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, (8–1), 29–31.

Петросянц, Д. В. (2024). Рециркуляция триггер-историй как метод зашумления информационного поля. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 14(5), 81–89. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2024-14-5-81-89

Петухов, Ю. (1991). *Сатанинское зелье*. Метагалактика.

Петухов, Ю. (2009). *Первоистоки Русов*. Алгоритм; Эксмо.

Прилуцкий, А. М. (2024). Прагматика конспирологических мифологем. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, (3), 124–135. https://doi.org/10.35231/18186653_2024_3_124

Пропп, В. Я. (1986). *Исторические корни волшебной сказки*. Издательство Ленинградского университета.

Ранк, О. (2020). *Миф о рождении героя*. Академический проект.

Сидорова, С. Е. (2022). Народ-змеепоклонник на защите священных реликвий: Нагпур и сакральная география буддизма. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика*, (1), 74–88. https://doi.org/10.31249/RVA/2022.01.04

Трынкина, Д. А. (2013). Волшебные лисы Японии. *Вестник московского университета. Серия 8: история*, (4), 99–116.

Трынкина, Д. А. (2014). Финны в мифологической традиции народов северной Шотландии. *Вестник московского университета. Серия 8: история*, (2), 77–98.

Франц, М.-Л. (2004). *Психология сказки. Толкование волшебных сказок*. Б.С.К.

Чулков, М. (1786). *Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношении, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч.* Типография у содержателя Ф. Гиппиуса.

Шиженский, Р. В. (2022). «Волшебное войско Руси» как пример парадокса неоязыческого псевдосимулякра (часть I). *Общество: философия, история, культура*, (9), 64–68. https://doi.org/10.24158/fik.2022.9.9

Шулин, Ч. (2024). Образ Дракона в китайской культуре. *Политическая лингвистика*, 1, 206–210.

Юнг, К. Г. (1997). *Психология и алхимия*. РЕФЛ-бук; Ваклер.

References

Anshu. (2023). Recontextualizing the Narratives: Exploring Oppression and Genocides in the Mahabharata. *The Creative Launcher*, 8(4), 13–18. https://doi.org/10.53032/tcl.2023.8.4.02

Afanasyev, A. N. (1985). *Russian Folk Tales* (Vol. 2). Nauka. (In Russian).

Baranov, D. A., & Madlevskaya, E. L. (1999). The Image of the Frog in Embroidery and Mythopoetic Representations of the Slavs. In *Woman and the Material World of the Culture of the Peoples of Europe and Russia* (pp. 111–130). Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian).

Barkun, M. (2013). *A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America*. University of California Press.

Bazhov, P. P. (1970). *Ural Tales*. Detskaya literatura. (In Russian).

Chulkov, M. (1786). *An Abevega of Russian Superstitions, Idolatrous Sacrifices, Common Wedding Rites, Witchcraft, Shamanism, etc.* Tipografiia u soderzhatelia F. Gippiusa. (In Russian).

Debray, R. (2009). *Introduction to Mediology*. Praksis. (In Russian).

Dobrynya and the Serpent. (1969). Detskaya literatura. (In Russian).

Douglas, K. M., Sutton, R. M., & Cichocka, A. (2017). The Psychology of Conspiracy Theories. *Current Directions in Psychological Science*, *26*(6), 538–542. https://doi.org/10.1177/0963721417718261

Franz, M.-L. (2004). *The Psychology of Fairy Tales: The Interpretation of Fairy Tales*. B.S.K. (In Russian).

Herodotus. (2008). *The Histories*. Eksmo; Midgard. (In Russian).

Icke, D. (1999). *The Biggest Secret: The Book That Will Change the World*. David Icke Books.

Icke, D. (2001). *Children of the Matrix*. Bridge of Love Publications.

Jung, C. G. (1997). *Psychology and Alchemy*. REFL-buk; Vakler. (In Russian).

Kolosova, I. V. (2016). New Religious Movements in Russia and the CIS. *Obozrevatel-Observer*, (11), 19–35. (In Russian).

Lewis, T., & Kahn, R. (2005). The Reptoid Hypothesis: Utopian and Dystopian Representational Motifs in David Icke's Alien Conspiracy Theory. *Utopian Studies*, *16*(1), 45–74. https://doi.org/10.2307/20718709

Malakhov, V. S. (2005). *Nationalism as a Political Ideology*. KDU; OAO Dom pechati – Vyatka. (In Russian).

Petrosyan, M. S. (2017). The Aztec Myth of the Sun in D. H. Lawrence's Poetry. *Philology. Theory & Practice*, 8(1), 29–31. (In Russian).

Petrosyants, D. V. (2025). The Recirculation of Trigger Stories as a Method of Increasing Information Noise. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 14(5), 81–89. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2024-14-5-81-89 (In Russian).

Petrov, V. P., & Makarevich, M. L. (1963). The Scythian Genealogical Legend. *Soviet Archaeology*, (1), 20–31. (In Russian).

Petukhov, Yu. (1991). *Satanic Potion*. Metagalaktika. (In Russian).

Petukhov, Yu. (2009). *The Origins of the Rus'*. Algoritm; Eksmo. (In Russian).

Prilutskiy, A. M. (2024). The Pragmatics of Conspiracy Mythologemes. *Pushkin Leningrad State University Journal*, (3), 124–135. https://doi.org/10.35231/18186653_2024_3_124 (In Russian).

Propp, V. Ya. (1986). *The Historical Roots of the Wonder Tale*. Izdatelstvo Leningradskogo universiteta. (In Russian).

Rank, O. (2020). *The Myth of the Birth of the Hero*. Akademicheskii proekt. (In Russian).

Shizhensky, R. V. (2022). "The Magic Army of Rus'" as an Example of the Paradox of the Neo-Pagan Pseudosimulacrum: Part I. *Society: Philosophy, History, Culture*, (9), 64–68. https://doi.org/10.24158/fik.2022.9.9 (In Russian).

Shulin, Ch. (2024). The Image of the Dragon in Chinese Culture. *Political Linguistics*, 1, 206–210. (In Russian).

Sidorova, S. E. (2022). A Serpent-Worshipping People Defending Sacred Relics: Nagpur and the Sacred Geography of Buddhism. *Social Sciences and Humanities: Domestic and Foreign Literature. Series 9: Oriental and African Studies*, (1), 74–88. https://doi.org/10.31249/RVA/2022.01.04 (In Russian).

Trynkina, D. A. (2013). The Magical Foxes of Japan. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*, (4), 99–116. (In Russian).

Trynkina, D. A. (2014). Finns in the Mythological Tradition of the Peoples of Northern Scotland. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*, (2), 77–98. (In Russian).

Vafin, A. M. (2024). In the Service of Security Agencies: The Ideology of Conservatism in American Mass Culture. *Knowledge. Understanding. Skill*, (1), 224–229. https://doi.org/10.17805/zpu.2024.1.17 (In Russian).

Vasina, E. V. (2019). V. M. Vasnetsov's "Poem of Seven Fairy Tales": Biographical Context and the Formulation of the Problem. *Culture and Art*, (6), 1–9. https://doi.org/10.7256/2454-0625.2019.6.29880 (In Russian).

Zhuchkova, A. V. (2014). The Image of the Frog as a Symbol of the Hero's Inner Transformation in Russian and German Folklore. *Bulletin of Slavic Cultures*, 4, 107–115. (In Russian).